

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Наследница
Шахерезады

Елена Ивановна Логунова

Наследница Шахерезады

Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11616721

Наследница Шахерезады : [роман] / Елена Логунова: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-82301-7

Аннотация

Бывают люди, которых буквально преследуют приключения! Волею судеб застряв в транзитной зоне венского аэропорта, журналистка Елена случайно нашла труп, а потом еще один... В одиночку она ни за что не справилась бы с лавиной неприятностей, но, к счастью, рядом с ней оказалась верная подруга Ирка! Правда, у Ирки свои проблемы: кто-то похитил ее чемодан, однако вскоре выбросил его в людном месте... А потом ценный груз снова пропал! Снегопад, из-за которого были задержаны десятки рейсов, прямо-таки вынудил подруг немедленно приступить к поискам убийцы и вора, ведь чем еще могут заниматься две порядочные женщины в ожидании летной погоды!

Елена Логунова

Наследница Шахерезады

© Логунова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

23 января, 18.15

Из динамиков потекли волшебные звуки вальса Штрауса.

– Парампампампам! Пам-пам! Пам-пам! Опаздываем!

Минут! На два... – Мой внутренний голос зачастил, машинально стараясь попасть в такт музыке. – Парампампампам... Пампампам! Не успе! Ю пе! Ресесть! Парарарарам!!!

Бравурный аккорд ознаменовал посадку, пассажиры в салоне лайнера заплодировали.

Я беззвучно выругалась.

На стыковку в Вене у меня было тридцать минут, осталось десять. За окошком виден был подкативший автобус, значит, пассажиров не выпустят по «рукаву» и я совершенно точно не успею на рейс в Прагу, парампампам его так распарампампампам!

Бортовое радио металлизированным голосом фройляйн стюардессы озвучило объявление на языке Шиллера и Гете, которого я не знаю, но чуткое ухо дипломированного фило-

лога уловило слово «Прага».

Что, что там про Прагу?!

– Пассажиры, следующие транзитными рейсами в Прагу, Париж и Брюссель, подойдите к представителю аэропорта у трапа, – повторила железная фройляйн по-английски.

Язык Шекспира и Диккенса я знаю слабо и разговариваю на нем с монголо-татарским акцентом и только в случае крайней необходимости, предпочитая лишний раз не позориться. Но понимаю почти все, как та собака из анекдота.

«Фас! – отдал мне мой внутренний голос команду, понятную любой собаке. – Взять этого представителя аэропорта!»

Я энергично протолкалась к выходу, некультурно вонзая локти в бока куда менее торопливых пассажиров и автоматически извиняясь на разных языках:

– Сорри... Простите... Извините, пшепрашам, меа кульпа, миль пардон, мадамы и господамы!

Что-то не то я говорила, но меня тоже нужно было понять и простить – я ужасно нервничала.

Фройляйн проводница любезно мне улыбнулась. Я подарила ей незабываемый сверкающий оскал в стиле «вампиреныш на тропе войны» и с грохотом скатилась по ступенькам трапа к сотруднику аэропорта – тетеньке в оранжевом жилете.

На моей родине такие яркие апельсиновые тужурки носят дорожные рабочие, но австрийская тетенька держала в руках не совковую лопату, а планшет с трепещущей бумажкой.

Свободной рукой она направляла в микроавтобус тех пассажиров, которые знали пароль: «Прага», «Париж», «Брюссель».

– Прага! – гаркнула я, стукнув себя в грудь кулаком с зажатым в нем посадочным талоном.

Тетенька кивнула, оторвала от моего талона купон и подтолкнула меня к микроавтобусу.

Фу-у-у-уххх... Глядишь, еще успею!

Дяденька, на полу пальто которого я приземлилась в машине, вежливо пробурчал мне что-то успокаивающее, я слабо улыбнулась и мысленно призвала тетку в жилетке поторопиться. Наконец она уловила мои нервные телепатемы, запрыгнула за руль, и микроавтобус резво помчался к зданию аэровокзала.

– Парампампампам, пам-пам, пам-пам, – нервными часиками затикал мой внутренний голос, пока я гипнотизировала напряженным взглядом приближающиеся раздвижные двери.

– Паспортный контроль, – объяснила оранжевая тетя, подводя нашу маленькую группу опаздывающих торопыг к пограничной будке на две каморки.

В одной сидела женщина, в другой мужчина.

«К мужику иди, они к бабам добрее», – торопливо посоветовал мне внутренний голос.

Как будто я этого не знала!

Я когда-то работала в школе, где коллектив почти сплошь

женский, и прекрасно знаю, как нетерпимы друг к другу дамы. Единственный случай, когда я предпочитаю обращаться за помощью не к мужчине, а к женщине, – визит к гинекологу.

В данном случае раздевание мне вроде бы не грозило, и я смело протянула свою краснокожую российскую паспортину молодому человеку в форме.

Роковая ошибка!

Я успела подумать, что у служивого чуткие пальцы пианиста и неприятно въедливый взгляд троллейбусного контролера, и тут же услышала:

– Ихь пасс ист ниht гюльтиг!

«Какой, на фиг, гульффик?!» – сварливо озадачился мой внутренний голос.

А я, кажется, внезапно стала понимать немецкий!

– Как это – паспорт недействителен? Он до четвертого февраля! – парировала я по-русски, тыча пальцем в соответствующие циферки в документе.

Полицай-пианист-контролер покачал головой:

– Драй монате!

«Какие, на фиг, манатки?!» – запаниковал мой внутренний голос, ни разу не шпрехен зи дойч.

А я поняла: въедливый юноша обнаружил, что мой загранпаспорт заканчивается раньше чем через три месяца.

По правде говоря, он заканчивался куда раньше чем через три месяца – уже через неделю после моего возвращения из

поездки. Но визу-то мне дали, значит, это не такое уж важное условие!

Во всяком случае, в турагентстве, которое срочно за небольшие денежки сделало мне эту визу, меня уверяли, что проблем со въездом в Шенгенскую зону у меня не возникнет.

– Но у меня же есть виза, вот!

Я ловко перевернула страничку и продемонстрировала въедливому юноше зелененькую нашлепку за подписью атташе Константиноса Ксенидиса.

Ну да, это атташе консульства Греции, но какая разница? Шенгенская виза есть шенгенская виза, уверяли меня в турагентстве.

– Гречиш визум? Унмёглих! – Несговорчивый полицейский не перестал мотать головой, при этом амплитуда качаний заметно увеличилась. – Нихт! Нихт!

«Правильно в Австрии обращаются к местным полицейским – «хер полицай», очень подходит им это ругательное название!» – злобно молвил мой внутренний голос.

– Хер полицай! – сказала я с чувством. – Ай маст ту би ин Праг! Ит из вери, вери импотент!

– Нихт!

«Вот же импотент чертов», – выругался мой внутренний голос.

Хер полицай добавил к упражнению для шейного отдела позвоночника взмах рукой, и нетерпеливо дожидавшаяся меня тетя в жилете поспешно убежала.

Раздвижные двери сомкнулись за ней и группой счастливых, благополучно продолжающих свои путешествия.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться», – напороочил мой внутренний голос.

Въедливый полицейский юноша покинул свою кабинку и поманил меня за собой.

«А ведь говорили тебе, что ничего хорошего из этой затеи не получится», – хныкал мой внутренний голос, пока я брела за полицейским юношей секретными тропами, где не ступала нога добропорядочного пассажира.

Мы пришли в помещение, где было довольно много народа: с десяток граждан в пестрых одеждах с чемоданами и детьми – и человек пять в такой же черной форме, как у моего сопровождающего.

«Это кутузка?!» – ужаснулся мой внутренний голос.

– Всего лишь полицейский участок, – пробормотала я, тщетно стараясь успокоиться.

В полицейском участке – или как называется это милое место? – меня приземлили на свободный стульчик. Рядом резвились детишки – девочка в розовом балахоне и мальчик в спортивном костюме и странном головном уборе из платка или шарфа, свернутого в тугую шапочку с узлом-помпоном на макушке.

Интересно, что это за этнический чепец?

– О своей голове подумай, идиотка! Требуй адвоката! – сварливо посоветовал внутренний голос.

– Какого адвоката? Нет у меня никакого адвоката! – сердито прошептала я.

– А зря! – припечатал внутренний голос.

Тут я с ним поспорить не могла, адвокат бы мне сейчас весьма пригодился.

Мысленно я просмотрела списки друзей и знакомых, но адвоката вспомнила всего одного. Это мой бывший одноклассник, безответная любовь моих школьных лет, ныне скучноватый лысоватый доктор юридических наук, проживающий в далекой Тюмени. Сомневаюсь, что он с готовностью придет мне на помощь за тридевять земель в... (тут я посмотрела на часы) половине седьмого вечера по венскому времени. В Тюмени-то уже глухая ночь!

Я опять посмотрела на часы: ох, уже без четверти семь!

Последний на сегодня рейс на Прагу улетает через час, и не похоже, чтобы со мной на борту!

23 января, 18.15

«Плох тот стажер, который не мечтает стать генералом», – регулярно внушала Якобу Шперлингу его любящая муттер.

До того, как ее единственный сын поступил на службу в полицию, фрау Шперлинг внушала отпрыску, что плох тот школьник, который не мечтает стать профессором, и тот музыкант, который не мечтает концертировать с Венским филармоническим оркестром, однако в искусстве и науке карьера у Якоба не сложилась. Не хватило усидчивости, до-

тошности и похвального внимания к мельчайшим деталям, а также объема памяти, в которую упорно не помещались просторные скучные тексты и нотные партитуры.

Увы, и до высокого генеральского звания стажеру Шперлингу было почти так же далеко, как до полной луны, какую он и созерцал рассеянным взором поверх монитора в окне над летным полем.

Желтый круг ночного светила то и дело пересекали темные силуэты взлетающих лайнеров. Якоб Шперлинг мечтал вознестись к высотам власти столь же стремительно и неудержимо, как самолет. Он даже придумал уже, каким образом может ускорить свой подъем на следующую ступеньку карьерной лестницы: поймать шпиона или обезвредить террориста – всего-то делов!

Главный аэропорт Австрийской Республики ежедневно пропускал десятки тысяч пассажиров. Несомненно, шпионы и террористы среди них имелись, однако выявить их удавалось нечасто.

Тем не менее совсем недавно сотрудники полиции аэропорта Швехат задержали турецкую пару, пытавшуюся провезти в багаже пулемет и боеприпасы к нему.

К несчастью для Якоба, в тот день у него был выходной, и под раздачу наград и поощрений он закономерно не попал.

Однако международная обстановка становилась все напряженнее, в террористы и шпионы переквалифицировались даже управдомы и домохозяйки, каковая тенденция

позволяла стажеру Шперлингу твердо рассчитывать на свою долю улова.

Подозрительную расхристанную дамочку Якоб выделил из группы респектабельных мужчин моментально.

У растрепанной блондинки был взбудораженный вид зайчонка, стремительно летящего над морковными грядками параллельно ружейным залпам. Даже стоя на одном месте, белокурая дамочка перебирала ногами, судорожно прижимала к боку сумку, краснела, бледнела и нервно подергивалась.

Шпионы себя так не ведут, а вот одноразовые террористки в дикой ажитации – очень даже запросто.

– Так-так! – сказал себе Якоб Шперлинг, побарабанив по стойке будки паспортного контроля, в которой он скучал уже третий час, нервными пальцами несостоявшегося пианиста.

Подозрительная блондинка тем временем забросила в окошко будки свой паспорт, и сердце Якоба взволнованно пропустило удар: документик был российский!

А виза в паспорте гражданочки РФ была оформлена с нарушениями правил!

Якоб понял, что ему повезло.

Похолодание международной обстановки перевело Россию в число стран, недружественных просвещенной Европе. Барьеры, возведенные на путях миграции в Шенгенскую зону русских медведей и медведиц, подросли и окрепли. Впрочем, даже сейчас кто-нибудь другой – не зоркий сокол Шпер-

линг – вполне мог закрыть глаза на небольшое нарушение в оформлении визы...

Якоб был суров.

Он вышел из будочки и поманил блондиночку за собой.

Если ему очень повезет, глядишь, у нее в багаже и пулеметик найдется...

Мысленно проделывая в форменной рубашке дырочку для ордена, Шперлинг повел задержанную в дежурку.

– Что еще, Якоб? – Инспектор Пауль Пихтер не обратил внимания на мечтательную улыбку подчиненного и запросил информацию.

– Русская, проблема с визой, – коротко ответил Якоб, садясь за компьютер.

Определенно имело смысл поискать эту гражданочку в полицейской базе данных.

23 января, 18.46

Дзинь!

Пришло сообщение от Коляна: «Кыся, сын спрятал дневник. Скажи, чтобы дал мне на проверку!»»

23 января, 18.47

Отправила сыну сообщение: «Коляша, дай папе дневник на проверку!»»

23 января, 18.48

Дзинь!

Пришел ответ от сына: «Зачем?! Если мы будем доверять друг другу, мир станет лучше!»

Хм, кто бы это австрийским полицейским объяснил?

23 января, 18.50

Из штатских в участке осталась я одна. Стало тихо и скучно.

Почему я все еще здесь? Меня арестовали?

Колян меня убьет...

Это все было так ужасно, что я решила немедленно описать свои чувства. И мысли. Ладно, и факты тоже.

23 января, 18.55

– Леди? Леди?

Я перестала в диком темпе колотить пальчиками по сенсорному экрану и подняла голову:

– А?

Перед моим затуманенным взором оформилась озабоченная физиономия.

Это кто?

Ах да, это мой же въедливый юноша, пианист-полицейский-пограничник...

Я снова перевела взгляд на экран айпэда.

Может, назвать его не просто въедливым, а жутко назойливым и даже нечеловечески вредным? В конце концов, мой

текст – это моя реальность, что хочу, то и творю...

– Леди?

– Леди-медведи! Ну ладно.

Я захлопнула обложку планшета и всем своим видом изобразила внимание.

Юноша выдал длинную фразу на немецком.

– Не понимаю, – я покачала головой. – Но если вас беспокоит тот факт, что я не рыдаю, не бьюсь головой о стены, а просто строчу как сумасшедшая новый иронический детектив, то это вовсе не потому, что я не понимаю драматизма ситуации. Я его понимаю!

Юноша снова заговорил по-немецки.

– Вас не понимаю, а драматизм понимаю, – уточнила я. – Но и вы меня, пожалуйста, поймите: я журналист, я писатель, я не могу не писать, особенно когда есть интересная тема, а сейчас она у меня есть, это очевидно. Что, вы меня тоже не понимаете?

Я вздохнула и перешла на монголо-татарский англиш:

– Ай эм а джорналист энд райтер! Фэймост рашен райтер! Мэни интрестинг букс!

– Джорналист энд райтер? – В голосе «юноши» отчетливо прозвучало недоверие.

Очевидно, на сумасшедшую я походила много больше, чем на журналиста и писателя.

Я еще раз вздохнула.

Что, заграничные люди считают, что у великого (ладно,

просто известного) русского писателя непременно должна быть борода, как у Толстого и Достоевского? Да я и без бороды написала почти пятьдесят романов, и все они изданы!

Положим, это не бессмертные труды гиганта мысли, в чем, как и в случае с бородой, мне до Толстого с Достоевским бесконечно далеко. Зато мои иронические детективы совсем неплохо продаются, а книжки для детей переведены на четыре языка, включая китайский, а уж это точно успех – в Китае ведь о-го-го какая читательская аудитория!

Языковой барьер не позволил мне донести все эти важные мысли до аудитории, имеющейся у меня в данный момент.

– Ладно, попробуем по-другому. Тут есть Интернет? – спросила я кротко, как убежденный приверженец толстовской философии непротivления злу насилием.

– Интернет? Йа, – кивнул полицейский.

Озадаченности и недоумения в его взгляде и голосе ничуть не убавилось.

«Очевидно, ты снова поступаешь не так, как типичный задержанный, – рассудил мой внутренний голос. – Видимо, обычно тут просят и требуют другого: свободы, справедливости...»

– Туалет? – громко спросил мальчик с шариком на макушке.

«...и возможности справить естественные надобности, – приняв подсказку, договорил мой внутренний голос. – Интернет к числу потребностей первой необходимости не от-

носятся...»

– У кого как, – парировала я, открывая сайт Российского центра науки и культуры в Праге.

На сайте красовалась моя фотография, под ней приметными красными буквами пламенел призывный анонс посетить завтрашнюю презентацию моей новой книжки.

– Вот, это я! – Я горделиво указала на фотографию.

– Йа, – не вполне уверенно согласился полицейский.

– Да бросьте, я поправилась всего на пару кило и цвет волос изменила всего на два тона, – обиделась я, подумав, что он не хочет признавать меня на фото.

«Идиотка, – ласково обругал меня внутренний голос. – Сайт русскоязычный, хер полицай просто-напросто не способен понять, что там написано!»

– О! – Я расстроилась.

Так, мне нужен переводчик.

– Кен ай хэв транслейтор? – спросила я.

– Йа, натюрлих.

Полицай меня оставил.

«Мне кажется, ты неправильно построила фразу, – попенял мне мой внутренний голос. – Что значит «могу я понять переводчика»? Звучит неприлично».

Я пристыженно опустила глаза и уткнулась в экран планшета. Рука сама открыла свеженаписанный текст.

О да, Колян меня убьет!

Он, конечно, говорил, что всецело поддерживает меня в

благородном порыве слетать на презентацию в Прагу, но выражение лица у него при этом было точь-в-точь такое, как при дегустации Масынькиных обугленных оладьев.

Масынька, он же Колюшка, он же Коля-младший, он же Николай Николаевич и Николай Второй, – это наш с Коляном сын. Недавно он принял волевое решение готовить завтрак самостоятельно, и теперь мы с Коляном то и дело пробуждаемся от запаха гари. Это здорово травмирует нашу с мужем нервную систему, поскольку инстинкт велит бежать тушить пожар, а юный повар категорически требует проявлять хладнокровие и дожидаться завтрака в постель. А потом с аппетитом есть пригоревшие оладьи и хвалить кулинара, наблюдающего за трапезничающими предками с доброй улыбкой бескорыстного благодетеля.

Я закручинилась, вспомнив дом, милый дом, и с новым чувством симпатии – пригоревшую выпечку. Туалет мне пока был без надобности, но есть уже хотелось.

Интересно, тут кормят узников?

Въедливый полицейский юноша тем временем с кем-то поговорил по телефону и начал совершать какие-то манипуляции с моим загранпаспортом в дальнем углу кабинета. Я вытянула шею, но разглядеть происходящее не смогла, что не уменьшило мою тревогу.

Повторные попытки заговорить по-русски и по-английски провалились, выявив печальный факт незнания полицейскими аборигенами иных языков, кроме ридной австрийской

мовы!

Средневековье какое-то, ей-богу! Как они могут работать в международном аэропорту без знания языков?

«А как ты летаешь по всему миру с остаточными знаниями старославянского и латыни?» – съязвил мой внутренний голос.

Уел. Я хоть и филолог, но не полиглот.

Я еще раз в сомнительных выражениях настоятельно попросила предоставить мне переводчика и стала ждать дальнейшего развития событий.

23 января, 19.40

«Дзинь!» – звякнул мой мобильник.

Поскольку телефон у меня не забрали, я рассудила, что пользование мобильной связью задержанным не запрещено, достала аппарат из сумки и открыла прибывшее сообщение.

Это было сообщение от Ирки, трогательное проявление заботы и идиотизма: «Ну? Ты успела на Прагу?»

Да ведь если бы я успела, то не смогла бы получить и прочитать это послание, потому как уже была бы в воздухе!

23 января, 19.41

Я разозлилась и выплеснула раздражение на лучшую подругу, отправив ей сердитый ответ: «Нет! Я попала в кутузку!»

«В Вене?» – спросила Ирка вторым сообщением.

Я закатила глаза – ну где же еще? Разумеется, в Вене, не в воздухе же!

Ответить не успела – любознательная подруга прислала новый вопрос: «Ну и как там?»

Я огляделась.

Девочка в балахоне и мальчик с помпоном продолжали свои подвижные игры, взрослые басурмане сидели молча с непроницаемыми лицами, полицейские или погранцы (пора бы мне определиться, как их называть) спокойно занимались своими делами. Я невольно восхитилась их невозмутимостью.

Возможно, австрийские дети тоже поощряют своих родителей к буддийскому спокойствию, сызмала готовя им завтраки в постель в дыму и пламени?

«Тут небезынтересно», – коротко ответила я Ирке, полагая, что она уловит сарказм.

23 января, 19.42

Мой сарказм то ли полностью развеялся в эфире, то ли был проигнорирован.

«Давай-ка поподробнее», – проэсэмэсила мне любознательная подруга.

«Чистенько, но бедненько, – ехидно ответила я, описывая офис, потому что никаких других подробностей пока сообщить не могла. – Стены и двери белые, лампы, столы и стулья из ИКЕА, горшечных растений вовсе нет».

«Серьезно?! – моментально отреагировала Ирка. – Вообще нет никаких живых растений в офисе? Даже кактусов?! А площадь офиса какая?»

Я поняла, что деятельная подруга только что открыла для себя новую нишу.

Они с мужем держат фирму по продаже семян, саженцев, декоративных растений, садовой мебели, парковых фигурок и прочего добра, имеющего то или иное отношение к теме зеленых насаждений. Я бы не удивилась, если бы прямо сейчас Ирка стала прикидывать, сколько кактусов и скульптурных гномиков требуется на квадратный метр благоустроенной офисной площади, и умножать полученный результат на число полицейских участков Австрийской Республики.

«Кактусы тебе интереснее, чем подруга? – упрекнула я Ирку новым сообщением. – Меня же могут вернуть обратно в Краснодар ближайшим рейсом!»

Я все еще надеялась, что полицаи-погранцы позволят мне улететь в Прагу следующим рейсом, но сознавала, что вероятность высылки меня на родину весьма велика.

23 января, 19.43

«Ничего страшного не случится, сделаешь круг и вернешься, – без задержки ответила мне Ирка. – Считай это своеобразным туром венского вальса».

Поскольку я рассчитывала на сочувствие, от подобной черствости у меня не только язык онемел, но и пальцы, так

что я задержалась с написанием ответного сообщения.

А толстокожая Ирка уже прислала мне новое послание:
«ОВЕНского вальса!»

И тут же смайлик.

Я тихо зарычала, и пацанчик с помпоном оглянулся на меня с опасливым интересом.

Я сделала страшные глаза.

Неразумный детеныш захихикал.

Любимая Иркина шутка сегодня меня не смешила.

По гороскопу я Рак, но подруга уверена, что мои родители подделали метрику, чтобы скрыть от мира тот факт, что на самом деле я Овен. По Иркиному мнению, я в избытке награждена типичным бараньим упрямством, о чем она не раз упоминала и на стадии моих сборов в Вену-Прагу. Я миллион раз объясняла подруге, что характеристики Овена как знака зодиака вовсе не соответствуют выразительному образу барана в русском фольклоре, но тщетно.

Впрочем, надо признать, что я действительно не привыкла пасовать перед трудностями.

23 января, 20.15

Наша компания пополнилась – привели мужичка, в котором только слепой инопланетянин не признал бы типичного русского, потому как обут он был в валенки, одет в тулупчик, а с неухоженных светлых вихров при появлении в участке почтительно стянул ушанку. Для полноты анекдотичного об-

раза не хватало только балалайки и дрессированного медведя, так что я не удержалась и захихикала.

– Добрый вечер, – неуверенно сказал мужичок, стрельнув в меня лазоревым взглядом.

– Здорово, земля, – нарочито бодро откликнулась я.

– Что, тоже наши? – Мужичок чуть приподнял белесые бровки и огляделся.

Прочие задержанные выглядели как стопроцентно не наши, и он поправился:

– Наша.

Меня появление соплеменника, с одной стороны, порадовало: хоть поболтать с кем будет. С другой стороны, было непонятно, о чем мне болтать с этим некрасовским персонажем? О ценах на рожь и падении надоев?

«Эй, что за снобизм! – прикрикнул мой внутренний голос. – Не суди по одежке – возможно, этот парень большой интеллеktуал! Вспомни Ломоносова!»

– М-да, прямиком из Холмогор, – пробормотала я, еще раз оглядев соплеменника.

И тут объявился переводчик – к сожалению, не во плоти, а только по телефону.

Усталый женский голос с мучительным акцентом информировал меня о том, что виза моя оформлена с нарушениями правил въезда в Шенгенскую зону, а посему лететь мне ближайшим рейсом до дому, до хаты.

Я проявила пресловутую баранью настойчивость и заста-

вила переводчицу сначала выслушать мои резоны, а затем и довести их до сведения уважаемых полицейских (или пограничников). На это уважаемые и заметно утомленные пограничники (или полицейские) сказали, что рассмотрят возможность отправки меня не на восток, а на запад только в том случае, если мои особые обстоятельства им авторитетно подтвердит посольство. Телефонный номер участка мне любезно написали на квадратной бумажке с липким краем, и я бережно спрятала ее в бумажник.

– Конечно, подтвердит! – обрадовалась я и снова потянулась за телефоном, но вызвать кавалерию не успела.

Не дожидаясь дальнейшего развития событий, полицейские настоятельно предложили покинуть участок и вывели под конвоем в транзитную зону аэропорта.

– Ит энд дринк! – Мой конвоир махнул рукой направо, любезно указывая мне направление к кормушке и поилке.

– Данке шен, я разберусь, – пообещала я, опускаясь в ближайшее кресло.

Есть и пить мне расхотелось ввиду гораздо более неотложной необходимости поднять по тревоге прогрессивную международную общественность.

23 января, 23:40

Часа два-три я головы не поднимала, перезваниваясь и переписываясь с коллегами-журналистами и сотрудниками посольств, пока наконец не уверилась, что сделала все, что

смогла.

Добрые посольские люди пообещали отправить в участок бумагу-ходатайство, а журналисты так утомили венских полицейских звонками с вопросами о моей судьбе, что им почти пообещали: все решится наилучшим образом.

Правда, что считать таковым – не уточнили.

Часом Икс определили девять утра.

Я приготовилась ждать.

24 января, 01.30

Я отыскала на первом этаже аэровокзала просторное помещение, скудно меблированное полицейской будочкой и креслами без разделительных перегородок.

В будочке кто-то шуршал, диванчики пустовали.

На наиболее мягком из них я свила себе малоразмерное гнездышко из куртки и шарфа, сунула под голову сумку, накрыла лицо капюшоном и погрузилась в зыбкий тревожный сон.

24 января, 3.30

– Панини с ветчиной, – сонным голосом пробормотал Феликс, опуская тарелку на середину стола.

Он уже забыл, кому из посетителей предназначался именно этот заказ, но надеялся, что сами-то они об этом помнят. Сами-то они вряд ли провели на ногах почти двенадцать часов и уж точно не бегали при этом туда-сюда с тяжело нагру-

женным подносом.

В глухой ночной час в кафе было тихо и сумеречно. Бармен Али сердобольно пригасил свет, чтобы не мешать дремать арабской мамаше с двумя маленькими детьми. Они расположились на единственном мягком диване, что чрезвычайно огорчило Феликса. Соглашаясь отработать две смены подряд, он рассчитывал не только на дополнительную оплату, но и на этот диван. Первый утренний рейс в аэропорт австрийской столицы прибывал в 05.15, и в глухой предутренний час кафе частенько пустовало, так что утомленный официант вполне мог покемарить час-другой в ненадежном укрытии за диванной спинкой.

– Я просил панини без мяса, с яичным салатом! – закапризничал клиент.

Тьфу ты, точно, он же спрашивал вегетарианскую кухню! Феликс мысленно выругался, молча подхватил тарелку и пошел к барной стойке.

Нависающий над ней в неустойчивом равновесии Али открыл один глаз.

– Панини без ветчины, с яичным салатом, – информировал его Феликс и, дожидаясь, пока Али сделает новый бутерброд, развернулся к залу лицом.

Спящие на диване клиентами не считались, а кроме них в кафе было только два человека. За одним столиком зависли два парня – один напротив другого, неподвижные, как статуи. Сразу видно – случайные люди, между собой не знако-

мые и не жаждущие общения. Зачем вообще за один столик сели, если мест полно? Непонятно.

Тот мужик, что в дурацкой шапке, закрыл глаза и повесил голову, по самый нос утопив лицо в витках толстого шарфа. Второй – капризный любитель здоровой веганской пищи – молитвенно сложил ладошки и энергично шевелил губами. Ишь ты, просит благословить его насущный яичный салат!

– Слушай, Али, а разве веганство – оно не из Индии? – не оборачиваясь, спросил Феликс шуршащего за его спиной бармена.

Али работал в кафе аэропорта уже пять лет и навидался всякого и всяких. Он уверенно мог определить племенную принадлежность и вероисповедание иностранного гостя по манере повязывать головной платок и постановке пальцев на вилке.

– Не веганство, а вегетарианство, – авторитетно поправил бармен. – Он же яйца ест!

– И молится перед едой, как католик, – заметил Феликс.

– А почему бы ему не быть католиком? Одна из базовых мировых религий. – Многомудрый Али пожал плечами и стукнул дверцей микроволновки. – А вегетарианец – он и в Африке вегетарианец.

– А этот парень из Африки? – Феликс оживился. – Али, ну, как ты это узнаешь?

– Да по загару. – Бармен поставил на стойку тарелку с новым бутербродом. – Такой глубокий шоколадный загар евро-

пеец только из Африки привезет. Хорош болтать, неси заказ.

– Похоже, поздно, уходит наш шоколадный!

Вегетарианец со скрежетом отодвинул тяжелый стул, встал, забросил на плечо небольшую сумку и решительно зашагал прочь. Его кемарящий визави в ушанке и шарфе даже не шелохнулся.

– Ну вот, не дождался! – расстроился Феликс, смекнув, что оплату этого заказа тоже вычтут из его заработка.

– Ешь сам, – хмыкнул Али, подтолкнув к нему две тарелки с не востребованными бутербродами.

Глубоко обиженный на весь мир Феликс со своими панини устроился за самым дальним столиком спиной к залу и не увидел, как «сонный» тип в шапке и шарфе неожиданно легко поднялся и зашагал вслед за вегетарианцем.

24 января, 5.00

Я узнала: если в пять утра кто-то звонит и неинформативно мычит в трубку, это не звоночек из сумасшедшего дома. Это ребенок прочитал повесть Тургенева «Му-му», проникся и на себе испытывает, каково это – общаться, будучи глухонемым.

И почему я-то не заткнула уши?

Могла бы еще поспать...

24 января, 5.30

Спалось мне плохо.

В просторном зале свободно гуляло эхо: стоило кому-то процокать каблуками или стукнуть дверью, и простые звуки складывались в могучую симфонию. К тому же никому не пришло в голову на ночь выключить в пустом помещении свет, и мне пришлось накрывать лицо сложенным втрое шарфом.

А еще я даже во сне беспокоилась о сохранности своей сумки, потому как кто-то из посольских заботливо предупредил меня, что в аэропорту воруют.

Я долго не могла уснуть, потом задремала, но была разбужена звонком Колюшки, который привычно встал в семь по московскому времени, потом опять провалилась в сон – и тут с нервирующим дребезжанием разъехались стеклянные двери, и в зал холодным течением влилась толпа пассажиров из подъехавшего автобуса.

Сразу стало зябко и шумно.

Я со вздохом стянула с лица шарфик и села, отчетливо скрипнув поясницей.

Ох, так и до радикулита недалеко!

Мимо моего ложа потянулся поток разноплеменных граждан с чемоданами на колесиках. На меня они не смотрели, но я все же смутилась. Я, конечно, известная писательница, но у меня нет привычки принимать народные толпы в будуаре.

«Отставить! – встрепенулся внутренний голос, презрев мой порыв достать расческу и привести себя в порядок. – О красоте потом подумаешь, на свободе. Видишь эти ворота?»

– Ни за что! – угадав недосказанное, решительно ответила я. – Я не побегу из аэровокзала на летное поле под прикрытием толпы. Не вижу смысла.

«Да ты вспомни, сколько случаев, когда предприимчивые люди тайно забирались в самолеты и улетали в другую страну в отсеке шасси!» – загорелся мой внутренний голос.

То есть я пыталась поспать, а мое подсознание не дремало и строило планы побега?

– А сколько случаев, когда те самые люди долетали живыми? – парировала я.

«Один вот совсем недавно был, и как раз тут, в аэропорту Швехат, – не спасовало подсознание (что-то все-таки есть в Иркиной версии про Овна). – Гражданин Румынии зайцем прилетел в Вену и даже почти не обморозился!»

– Я помню этот случай, – призналась я. – Но тому гражданину повезло, что всю дорогу была непогода, самолет летел ниже грозового фронта, и потому забортная температура была не самой низкой.

«По прогнозу, надвигается снежная буря», – напомнил мой внутренний голос.

– Нет! – воскликнула я. – Нет – и все тут.

А воображение живо нарисовало мне мой хладный скукоженный труп, заиндевелым кренделем с мелодичным звоном вываливающийся на летное поле пражского аэропорта из отсека шасси.

Нет уж, не надо мне такого перфоманса!

«Хотя это привлекло бы внимание к твоей презентации», – тихо-тихо шепнул еще внутренний голос.

И воображение быстренько приставило мое обледеневшее тело к витрине с новой книжкой, пририсовав сверху броский баннер с темой для дискуссии: «Убийственное политическое похолодание в Европе! Будет ли оттепель?»

– Вот заразы, – шепотом обругала я сладкую парочку – воображение с подсознанием.

Умеют ведь смело помыслить и красиво подать!

Усилием воли я подавила опасные свободолюбивые порывы и сосредоточилась на прозаическом. Хотелось есть, пить и, извините, в туалет.

Я пожалела о том, что не удосужилась заранее разведать, где находится ближайший клозет, и заторопилась на поиски этого нужного места.

Венский аэропорт Швехат – один из крупнейших в Европе. Расстояния от одного выхода до другого там такие, что на указателях, помимо направления, приходится писать и время в пути из пункта в пункт: двадцать минут, тридцать минут, даже сорок! При этом стыковки в Вене поразительно короткие, так что у меня есть подозрение, что тестировали дистанции нигерийские бегуны.

До ближайшего туалета я добежала за двенадцать минут: не рекорд, наверное, но определенно хорошее время.

К сожалению, сервисные службы аэропорта явно использовали иные расчетные показатели. Вероятно, в столь ран-

ний час наплыва страждущих в сортиры не предвиделось, и на двери дамского туалета висела табличка с выразительным изображением ведра и швабры.

Я подергала дверную ручку – заперто!

Переместилась к туалету для инвалидов – тоже заперто!

Тогда я пытливым взглядом посмотрела на дверь с изображением мужского силуэта.

Неловко, конечно, вламываться к уважаемым джентльменам, а что делать? До следующего туалета я не добегу!

«В конце концов, зря они тут, что ли, провозглашают равенство полов?» – риторически спросил мой внутренний голос.

Я огляделась.

А, ладно! Может, там и нет никого!

Я толкнула дверь мужского клозета, заглянула в щелку, никого не увидела и вторглась на гендерно чуждую мне территорию.

В мужском туалете было чисто, тихо и пусто.

Интерьерный дизайн не впечатлял: белые умывальники по левую руку уравновешивались белыми же писсуарами по правую, вдоль коридора располагались кабинки, по две с каждой стороны. Лишь одна из четырех дверей выразительно краснела сигнальным просветом замка, три кабинки были свободны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.